

УДК 94(37).07

**«СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ» И «ЧУДЕСНОЕ» КАК КАТЕГОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ДИОНА КАССИЯ**

© 2013 г.

К.В. Марков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mkv_2003@mail.ru

Поступила в редакцию 21.10.2013

Анализируются представления древнеримского историка Диона Кассия о влиянии сверхъестественных сил на ход исторических событий. Исследование показывает, что Дион верил в вещие сны, «родовые проклятия», «зависть богов», предсказания и предзнаменования. Вместе с тем случаи вмешательства сверхъестественных сил в историю Рима на страницах его труда позиционируются как события ординарные и становятся «чудом», в его представлении, лишь тогда, когда их проводниками оказываются люди или призраки в человеческом облики. В целом представления Диона о роли и способах проявления сверхъестественного в истории имеют сходство с воззрениями «отца истории» Геродота.

Ключевые слова: Древний Рим, античная историография, Дион Кассий, историческая мысль.

В настоящее время одним из ведущих направлений в изучении творчества Диона Кассия является исследование его исторической концепции в целом и представлений о причинно-следственных связях и факторах истории в частности. Как показано в ряде современных работ, одним из факторов, оказывающих влияние на ход истории, Диону представлялось вмешательство сверхъестественных сил [1–2]. Исследователи по-разному определяют степень иррациональности исторического мышления Диона и высказывают различные мнения относительно его «веры в чудеса». Одни убеждены, что Диону было свойственно телеологическое понимание истории, т.е. представление о некой направленности исторического процесса, предопределенной сверхъестественными силами [3, S. 248; 4, S. 114–125]. Другие полагают, что в представлении древнего автора история не является неизменно предопределенной, а роль сверхъестественных сил сводится лишь к тому, чтобы подсказывать людям наиболее очевидный вариант развития событий при сложившихся обстоятельствах. Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, Дион лишь в очень редких случаях объясняет то или иное событие исключительно вмешательством сверхъестественных сил, не давая при этом рационального истолкования [5, S. 210 f.].

Вера в сверхъестественное, иррациональное прослеживается у многих античных историков, начиная с Геродота. В труде «отца истории» можно встретить множество упоминаний об оракулах, знамениях, вещих снах и т.д., а также сюжеты, раскрывающие представления автора о

«зависти богов» и «родовых проклятиях» [6]. Даже у Фукидида, выделяющегося своей рациональностью, присутствует интерес к оракулам и предзнаменованиям [7, 8]. Таким образом, Дион, регулярно упоминая о «чудесах», следует давней и хорошо известной ему историографической традиции. Его вера в сверхъестественные силы очевидна. Вместе с тем вопрос о степени и характере этой веры остается открытым. Какое именно значение придавал Дион вещим снам, знамениям и предсказаниям? Какие именно события воспринимались им как «чудо»? И главное, верил ли он в предопределенность и неизбежность как отдельных событий, так и истории Рима в целом? Таков перечень вопросов, на которые предстоит ответить в рамках данной статьи.

В качестве аргумента в пользу существования у Диона Кассия телеологического восприятия истории и представления о том, что ход исторических событий заранее предопределен сверхъестественными силами, некоторые исследователи приводят цитату из Гомера (II. XI. 163–164), которой историк заканчивает свой труд [4, 114 f.]:

«Гектора ж Зевс промыслитель от стрел
удалил и от праха,

Вне поражения поставил, и крови,
и бурной тревоги»¹ (LXXX. 5. 3).

По словам самого Диона, он завершает свой труд именно этими строками по повелению некоего божества (LXXX. 5. 3). Предполагается, что тем самым он мог намекать на грядущую гибель Рима, но из контекста следует совсем иное. «Затем, сославшись на болезнь ног, – пи-

шет автор, – я отправился домой, чтобы остаток жизни провести на родине. О том, что случится именно так, божество предсказало мне со всей очевидностью, когда я находился уже в Вифинии. Ибо однажды в одном из моих снов оно повелело мне закончить этот труд следующими стихами...» (LXXX. 5. 2–3). Дион, видимо, предчувствовал свою собственную смерть. Здесь следует пояснить, что, по мнению историка, его жизнь находилась под контролем некоего «божества» (τὸ θεῖον), которое вмешивалось в его судьбу и оказывало влияние на его поступки. Например, именно оно, явившись ему во сне, побудило его писать историю, о чем он довольно подробно рассказывает в одном из типичных для него автобиографических отступлений. Он сообщает, что написал и опубликовал небольшую книгу о вещих снах и знамениях, которые внушили Септимию Северу надежду достичь императорской власти, а затем решил создать новое сочинение, охватывающее события римской истории «с самого начала и до того момента, который будет угодно назначить Судьбе». Дион поясняет, что эта богиня укрепляет его в намерении писать историю: «когда меня охватывает робость или нерешительность, когда я устаю и готов всё бросить, она внушает мне свою волю через сны, подавая мне прекрасные надежды на то, что в будущем моя история сохранится и никогда не поблекнет. В ней я, кажется, обрел строгую надзирательницу над тем, какую жизнь я веду, и поэтому я посвятил себя этой богине» (LXXII. 23. 1–4).

Итак, в этом отрывке Дион упоминает о своих сновидениях. Вера в вещие сны была распространенным явлением в античном мире [9, р. 32]. Примечательно, что в данном случае Дион не просто верит в истинность сновидения, но и воспринимает его как руководство к написанию истории [10]. Сон нередко мог служить источником вдохновения для античных поэтов [11, р. 15], но среди историков Дион в этом отношении оказывается редким исключением. Как мы видим, автор разделяет характерное для греков представление о том, что сны дают людям возможность соприкоснуться с миром богов [12, р. 103]. В данном пассаже он называет имя богини, которая побуждает его писать историю и покровительствует ему, – Судьба (ἡ Τύχη), или Тиха (Тюхе). Отметим, что Дион не считает ход своей жизни полностью predetermined, ибо Судьбе приходится следить за тем, чтобы он не свернул с того пути, который она ему предназначила.

Понятие τύχη в значении судьба (или синоним πεπρωμένη или ἐμαρμένη) употребляется Дионом неоднократно, причем чаще всего в отношении

людей, которые испытали непредсказуемый взлет карьеры: Гальба (LVII. 19. 3F), Бассей Руф (LXXI. 5. 3), Клеандр (LXXII. 12. 3). В этих случаях данный термин можно истолковать как «удача». Лишь в редких случаях человеческие судьбы представляются Диону predetermined. Как правило, примеры такого рода приводятся в качестве морального назидания. Например, смерть Цезаря и Нерона наступает как некое справедливое возмездие (XLIV. 18. 3; XLVIII. 1. 1; LXIII. 28. 2). В этом отношении труд Диона имеет сходство с «Историей» Геродота, где часто звучит тема «зависти богов» (напр., I. 34. 1) [13, с. 42–43].

Дион нигде явно не выражает провиденциалистских идей [14, с. 429]. Вместе с тем действие сверхъестественных сил на страницах его труда проявляется не только на уровне судеб полководцев и государственных деятелей, но и затрагивает довольно крупные исторические события, будь то победа Октавиана и Антония над Брутом и Кассием (XLVII. 40. 1 – 41. 4), гражданские войны 90-х гг. II в. н.э. (LXIII. 14. 3–5), или же гибель Домициана (LXVII. 16. 1). Изредка в «Римской истории» встречаются упоминания о «провидении» (θεῖα πρόνοια) (Fr. 25. 8; LVI. 4. 4), а также указания на то, что события случились «по божественной воле» (Fr. 6. 5–6; LXXVIII. 8. 2; LXXX. 17. 3) [14, с. 429]. Вместе с тем вряд ли можно утверждать, что у Диона было представление о едином «божественном замысле» относительно всей истории Рима в целом, ибо проявления рационального практически всегда обусловлены конкретными обстоятельствами места и времени. Так, один из перечисленных случаев касается знаменитых, предвещавших гибель Каракаллы (LXXVIII. 8. 1–5). Одно из них последовало из уст самого императора. В представлении Диона, император предрек свою участь, цитируя строки Еврипида о драматичной непредсказуемости судьбы, и кроме того, еще Септимию Северу был оракул Юпитера Белла в Апамее Сирийской, о том, что весь его род «погибнет в крови» (LXXVIII. 8. 4–5). Эта тема получает развитие в 10-й главе LXXVIII книги. «Таковы были жизнь и смерть Таравта. Вслед за ним погибли и участники заговора против него, одни сразу, другие чуть позднее. Кроме того, жизни лишились его близкие друзья и вольноотпущенники. Таков был злой рок, который преследовал и друзей его, и врагов» (LXXVIII. 10. 3). Итак, в представлении Диона, династию Северов преследовало т.н. «родовое проклятие». Интерес античных историков к подобным сюжетам проявился, как уже было упомянуто, еще во времена Геродота.

Рассмотрим еще один случай. «Он (император Гелиогабал) утверждал, что совершить усы-

новление ему приказал Элагабал, так же как и назвать приемного сына Александром. Я же в свою очередь убежден, что это действительно произошло благодаря вмешательству какого-то божества, но сужу об этом не по его словам, а по брошенной ему кем-то фразе об Александре из Эмесы, который придет ему на смену, и по событиям в Верхней Мёзии и Фракии. Дело в том, что незадолго до этого некий призрак, именуемый себя Александром Македонским и всей своей внешностью и одеянием на него похожий, неизвестно как появившись в окрестностях Истра, начал отсюда свой путь и проследовал через Мёзию и Фракию...» (LXXIX. 17 3–18. 3). Таким образом, событие произошло благодаря вмешательству «какого-то божества», которое повлияло на решение вопроса об императорском наследнике и наречении его Александром. Чаще всего Дион не называет конкретных богов, вмешивающихся в ход истории, используя абстрактный термин (τὸ δαιμόσιον), но встречаются исключения, как, например, в случае с солнечным божеством, спасшим месопотамский город Хатру от войск Траяна и Септимия Севера (LXVIII. 31. 2). Еще один пример – это т.н. «чудо дождя», произошедшее во время войны Марка Аврелия с квадами, когда «римлян, оказавшихся во время битвы в опасном положении, *необыкновеннейшим образом* (здесь и далее курсив мой. – К.М.) спасла божественная сила...» (LXXI. 8. 1). Далее следует пояснение, что «некий Арнуфий, египетский чародей, находившийся в свите Марка, с помощью колдовских приемов призвал различные божества, и прежде всего Гермеса, повелителя воздушной стихии, и с их помощью вызвал дождь» (LXXI. 8. 4)².

В данном случае вмешательство сверхъестественных сил вызывает у Диона удивление, так же как и в следующем пассаже: «Друз, попытавшись переправиться через эту реку (Альба течет с Вандальских гор и огромным потоком вливается в Северный океан), потерпел неудачу и, воздвигнув трофей, повернул назад. Дело в том, что некая женщина необычайно высокого роста, явившись к нему, молвила: «Куда же стремишься ты, ненасытный Друз? Не видать тебе всех этих земель. Уходи, ибо грядет конец и дел твоих, и жизни!». (4) В самом деле, *удивительно*, что кому-то довелось услышать подобный глас божества, но и не верить [этим сведениям] у меня также нет оснований, ибо [предсказанное ею] сбылось незамедлительно: Друз в спешке повернул обратно и, не достигнув Рена, умер в дороге от какой-то болезни» (LIV. 1. 3–4). Еще один пример: «...из всего *наиболее достойно удивления то*, (2) что Лар-

гин Прокул, после того как он во всеуслышание объявил в Германии, что император умрет в тот день, когда он действительно погиб... (3) Также и другой какой-то человек как-то раз предсказал Домициану, когда и каким образом тот погибнет, и, спрошенный затем, каким видом смерти он сам хотел бы воспользоваться, ответил, что пусть его растерзают собаки. Тогда решено было сжечь его живьем, и его возвели на костер, но в этот самый момент хлынул сильный ливень и потушил пламя, а позже собаки нашли его лежащим на кострище со связанными сзади руками и разорвали его на куски» (LXVII. 16. 1–3). Таким образом, действия потусторонних сил воспринимаются Дионом как «чудо» в тех случаях, когда их проводниками оказываются люди или призраки в человеческом облики (см. также: LXXIX. 17 3–18. 3).

В большинстве случаев сверхъестественное вмешательство проявляется через знамения, к которым историк причисляет небесные явления (напр.: XLV. 4. 4; LVI. 24. 4; LXI. 16. 4; LXXV. 16. 5), рождение детей с явными телесными дефектами (XLIII. 2. 1; XLVII. 40. 3), стихийные бедствия (LIII. 20. 1; LXVIII. 8. 1), прорицания, сделанные непосредственно божествами (δαίμονες) (LV. 1. 5). Перечисляя знамения, предшествовавшие смерти Домициана, Дион отмечает: «Ни одно столь значимое событие не случается без предуказаний свыше» (LXVII. 16. 1). Дион, безусловно, верил в возможность предсказать судьбу, но вместе с тем проявлял предубеждение в отношении гадалей и астрологов. В речи Мецената предсказатели, кроме гаруспиков и авгуров, обозначаются термином μαγείτες. Их информация в большинстве случаев оказывается ложной (LII. 36. 3). В других частях «Римской истории» автор нередко объединяет астрологов в одну группу вместе с теми, кого он называет γόητες (XLIX. 43. 5; LVII. 15. 8). Дион использует данное слово не только для обозначения колдунов (LII. 36. 2), но и в таком его значении, как «обманщик, мошенник» (XLVI. 4. 1). Та же самая идея встречается в «Сентенциях» Юлия Павла, который был одним из виднейших римских юрисконсультов конца II – начала III в. и, так же как и Дион, входил в императорский совет при Септимии Севере и Каракалле [15, с. 145; 16, с. 7]. В 21-й главе V книги «Сентенций» предсказатели, так же, как и в речи Мецената, упоминаются вместе с проповедниками новых религий. Юлий Павел называет астрологов обманщиками, которые пользуются легковерием населения. Их деятельность должна быть пресечена, в том числе по соображениям государственной безопасности. Особо суровое наказание в виде

смертной казни предусмотрено для тех, кто, с одной стороны, выведывает, а с другой стороны, предсказывает относительно здоровья императора и верховной власти в государстве.

Другой современник Диона Кассия – Ульпиан называет деятельность предсказателей «ловким обманом» (Coll. 15. 2. 1) и дает подробный обзор законодательных мер, направленных против астрологов, начиная со времен Тиберия и заканчивая постановлениями Антонина Пия и Марка Аврелия (Coll. 15. 2. 1–6) [17, p. 237 f.]. Ульпиан упоминает о мерах против предсказаний, касающихся как частной жизни, так и политики. Дион сосредотачивает внимание исключительно на втором аспекте. Такой подход прослеживается не только в речи Мецената, но и в повествовании о римских императорах. Например, автор сообщает об имевшем место при Септимии Севере судебном процессе над Апропианом, который был обвинен в использовании магии для достижения царской власти (LXXVI. 8. 1). Вместе с тем Дион мог выражать скептическое отношение к предсказаниям: «Адриан ведь, как я сказал, совершенно не знал меры в своем любопытстве и, помимо прочего, занимался всевозможными гаданиями и ворожкой... В конечном итоге он заявил, что видел звезду, которая якобы является Антиномом, и охотно прислушивался к выдумкам своих приближенных, утверждавших, что эта звезда и в самом деле образовалась из души Антиноя и тогда впервые появилась [на небосклоне]» (LXIX. 10. 3–4).

В представлении Диона, тот факт, что событие предсказано заранее, вовсе не означает, что оно совершается по воле провидения. «В чем смысл предсказания, – недоумевает автор, – если некое событие произойдет в любом случае и его невозможно избежать ни с помощью человеческой изобретательности, ни благодаря божественному провидению?» (Fr. 57. 22). Как правило, знамения следуют непосредственно перед событием, когда уже сложились предпосылки для определенной развязки, и в этой ситуации сверхъестественные силы оказываются более прозорливыми, чем люди. В качестве примера можно привести начало рассказа Диона о восстании Боудики (LXII. 1). Историк перечисляет знамения, предшествовавшие этому событию, а затем описывает его причины. Основная причина – попытка римлян взыскать с британцев крупные суммы денег, одолженные ранее Клавдием и Сенекой (LXII. 1. 1–2. 1). Таким образом, главными творцами событий оказываются именно люди. К предсказаниям они могут прислушиваться, но могут и оставить их без внимания, и в зависимости от этого история

может складываться по-разному. Например, при Филиппах жизнь Октавиана была спасена благодаря тому, что он принял во внимание предзнаменование и лично принял участие в бою, а не остался в палатке, которая позднее была захвачена врагами (XLVII. 41. 3–4). Вместе с тем Август не смог предотвратить поражение Вара в Тевтобургском лесу, так как не принял во внимание ряд знамений, предшествовавших этому событию (LVI. 24. 1–5). Кроме того, об отсутствии детерминизма у Диона свидетельствуют и довольно частые упоминания о том, что те или иные события произошли *κατὰ τύχην* («случайно»), т.е. он признает роль случая в истории (LXXVIII. 38. 3; LXXIX. 6. 1; XXXVII. 20. 3; LVI. 11. 1–2; LVI. 37. 5; LXVII. 11. 1).

Итак, труд Диона изобилует упоминаниями о потусторонних силах, в том числе о прямом вмешательстве богов. Автор верит в вещи сны, «родовые проклятия», «зависть богов» и регулярно перечисляет предзнаменования, предшествовавшие крупным историческим событиям. Взгляд Диона на роль и способы проявления сверхъестественного в истории имеет сходство с воззрениями «отца истории» Геродота. Вместе с тем Дион проявляет скептическое отношение к сверхъестественным способностям людей, а потусторонние силы, в его представлении, являются лишь одной из сил, способных повлиять на ход истории, и их воля далеко не всегда имеет решающее значение, а вмешательство, как правило, связано с каким-то конкретным историческим событием, т.е. одним из звеньев исторической цепочки, но не всей цепочкой. По-видимому, Дион полагал, что история не предопределена в долгосрочной перспективе.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0457.

Примечания

1. Перевод с древнегреческого Н.И. Гнедича.
2. Подробный комментарий данного отрывка и обзор исследовательской литературы, посвященной этому пассажу, см. в издании русского перевода книг LXIV–LXXX «Римской истории» Диона Кассия [18, с. 166–168].

Список литературы

1. Puiggali J. Les démons dans l'Histoire romaine de Dion Cassius // *Latomus*. 1984. V. 43. P. 876–883.
2. Danvoye S. La divination intuitive et inductive dans l'«Histoire romaine» de Dion Cassius // *Folia Electronica Classica*. 2003. № 5. Режим доступа: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/05/danvoye.html>.

3. Fechner D. Untersuchungen zu Cassius Dios Sicht der Römischen Republik. Hildesheim: Olms-Weidmann, 1986. 265 S.
4. Bering-Staschewski R. Römische Zeitgeschichte bei Cassius Dio. Bochum: Studienverlag Brockmeyer, 1981. 186 S.
5. Kuhn-Chen B. Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2 und 3. Jahrhundert n. Chr.: Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2002. 402 S.
6. Суриков И.Е. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых античных историков // Он же. Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 95–101.
7. Oost S.I. Thucydides and the Irrational: Sundry Passages // *Classical Philology*. 1975. V. 70. № 3. P. 186–196.
8. Lateiner D. Heralds and Corpses in Thucydides // *Classical World*. 1977. V. 71. № 2. P. 97–106.
9. Harris W.V. Roman Opinions about Truthfulness of Dreams // *The Journal of Roman Studies*. 2003. V. 93. P. 18–34.
10. Gascò F. Cassio Dion y los sueños // *Habis*. 1985. V. 16. P. 301–305.
11. Gil L. Los antiguos y la «inspiración» poética. Madrid: Guadarrama, 1967. 185 p.
12. Dodds E.R. Los griegos y lo irracional. Madrid: Alianza Editorial, 1980. 292 p.
13. Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979. 211 с.
14. Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины» // Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. С. 272–437.
15. Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения) / Пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
16. Штаерман Е.М. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну // Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана. Перевод с латинского Е.М. Штаерман. Отв. ред. и сост. Л.Л. Кофанов. М.: Зерцало, 1998. С. 3–12.
17. Cramer F.H. Astrology in Roman Law and Politics. Philadelphia, 1954. 291 p.
18. Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с.

**«SUPERNATURAL» AND «MIRACULOUS»
AS CATEGORIES OF CASSIUS DIO'S HISTORICAL THINKING**

K.V. Markov

We examine Cassius Dio's ideas about the influence of supernatural forces on the course of historical events, as presented in his «Roman history». Dio believed in prophetic dreams, ancestral curses, «the envy of the gods», portents and omens and, therefore, applied the explanatory models that traced back to Herodotus. The supernatural interferences are generally regarded and represented by him as somewhat ordinary events, but he reveals his amazement when mentioning some persons able to predict future or summon divine powers to action. He is not likely to assume long term predestination of historical events. On the whole, Dio's views regarding the role and ways of manifestation of supernatural forces in history are similar to those of Herodotus, the «father of history».

Keywords: Ancient Rome, antique historiography, Cassius Dio, historical thought.